
ПРЕДИСЛОВИЕ

Не каждому художнику под силу сделать себе имя и карьеру в трёх странах. Начать всё сначала в сорок лет — и повторить свой успех.

Давиду Бурлюку это удалось.

Россия, Япония, Америка, Украина. В этих странах его помнят и любят. Украина — родина Бурлюка; он родился в украинско-польской семье, и сегодня его вспоминают на родине всё чаще.

Фигура Бурлюка невероятно масштабна и интересна, а судьба его кардинально отличается от судеб его ближайших товарищей, друзей и сподвижников по русскому футуризму. Если жизнь Владимира Маяковского можно охарактеризовать как трагедию, то жизнь Давида Бурлюка, безусловно, в определённой мере драма, но драма со счастливым концом. Это драма человека, который был вынужден выбирать между признанием и славой, к которым он всячески стремился, — с одной стороны, и чисто физическим выживанием, самосохранением, определённым материальным благополучием и возможностью заниматься творчеством так, как он этого хотел, — с другой. Со всей очевидностью этот выбор встал перед ним в 1918 году, во время Гражданской войны, и он выбрал тогда самосохранение и свободу творчества. Оказавшись в 1920 году в Японии, он не вернулся обратно в Россию, как поступили его друзья и соратники, а уехал ещё дальше, в США, где начал жизнь фактически с чистого листа. Его российская слава и заслуги там ровным счётом ничего не значили.

В 1929 году Давид Бурлюк завершил свои «Фрагменты из воспоминаний футуриста», которые надеялся опубликовать в СССР. Этого не произошло, они были опубликованы в России лишь в 1994 году. В этих воспоминаниях есть

множество фрагментов, характеризующих личность самого автора, но этот кажется определяющим:

«Если другие футуристы, особенно второй призыв, после революции и получили признание, то я лично, волею судеб попавший на другие материки нашей планеты, продолжая всежильно работать на пользу страны рабочих и крестьян, моей великой революционной родины, никакого признания у себя на родине так и не видал, а унёс в ушах своих нахальный смех генералов и толстосумов. При таких обстоятельствах нельзя человека обвинять в некоторой нервности. Мне 22 июля 1929 года исполнилось 47 лет. В каждом существе обитают различные инстинкты. Инстинкты продолжения рода, самосохранения чисто физического. Но я, подобно другим моим товарищам по влечению к искусству, всю жизнь, с ранних лет буруваем был припадками инстинкта эстетического самосохранения. В некоторых творческих особях он проявляется необычайно бурно, вспомним Тёрнера с его тремя тысячами картин и девятнадцатью тысячами рисунков».

Вот этот «инстинкт эстетического самосохранения» был, пожалуй, главным в характере Давида Бурлюка, и все его поступки были так или иначе продиктованы этим инстинктом. «Инстинкт эстетического самосохранения» сослужил ему добрую службу, ведь мы помним и говорим о нём и сейчас. Хотя долгое время казалось, что эмиграция поставила крест на его карьере.

Судьба его друзей и соратников в конце 1910-х и начале 1920-х годов складывалась удачно. Тогда «левое» искусство заняло на непродолжительное время главенствующие позиции в только что родившейся стране. Однако время это быстро закончилось, и каждый из его ближайших друзей пошёл своей дорогой. Дальнейшая судьба Владимира Маяковского всем известна; жизнь Велимира Хлебникова оборвалась в том же возрасте, что и жизнь Маяковского, в 36 лет; Алексей Кручёных долгие годы прозябал в нищете, печатая свои книги мизерными тиражами за собственный счёт. Василий Каменский последние тринадцать лет жизни был почти полностью парализован и ушёл в своём творчестве совсем далеко от того, что писал в начале века. Были и гораздо более трагические судьбы. Один из «гилейцев», друг Бурлюка Бенедикт Лившиц, был в 1938 году расстрелян по бредовому обвинению в руководстве контрреволюционной группой ленинградских писателей, причём часть обвинения базировалась на придириках к его книге «Полу-

тораглазый стрелец» — фактически поэме о футуризме и о Бурлюках. Другой друг Бурлюка, Сергей Спасский, был арестован в 1951 году и приговорён к десяти годам лагерей. Ряд владивостокских друзей и соратников Бурлюка были расстреляны по вымышленным обвинениям в шпионской деятельности по заданию японской разведки — Сергей Третьяков, Венедикт Март; Владимир Силлов расстрелян ещё в 1930 году по обвинению в шпионаже и контрреволюционной пропаганде... К счастью, со смертью Сталина этот ад закончился.

Давид Бурлюк находился вне всего этого и мог продолжать работать так, как он хотел, не опасаясь за свою жизнь и свободу. Он мог работать в любом стиле — футуризма, экспрессионизма — ему никто ничего не диктовал. Мог называть себя «радиофутуристом», «американским Ван-Гогом», примитивистом — в СССР такое было невысказано. Однако обратной стороной этого стало почти полное замалчивание его имени на родине. В Советском Союзе не было опубликовано ни одного его стихотворения, а картины его хранились исключительно в музейных запасниках. В борьбе за признание на родине Бурлюк провёл много лет — но тщетно. Разочарование его таким положением постепенно нарастало — ведь в Америке и Европе, начиная с 1940-х, его имя звучало всё громче, и картины пользовались большим спросом. Вместе с этим менялась и риторика — от полностью просоветской в период 1920—1940-х она становилась всё более и более критической по отношению к культурной политике советских властей. Именно культурной — во всём остальном он советский курс поддерживал. Но всё, чего он смог добиться — двух приглашений в Советский Союз и редких упоминаний в печати в связи с дружбой с Маяковским.

Сильнейшее стремление Бурлюка к признанию имело и другую сторону. Оно проявлялось зачастую в неумеренном бахвальстве, безудержной саморекламе, а главное — в конформизме по отношению к советской власти, той самой власти, которая убила двух его братьев, Владимира и Николая. И если обстоятельства гибели Владимира до сих пор остаются загадкой — скорее всего, он погиб в 1919-м, во время Гражданской войны, воюя в Вооружённых силах Юга России, то о том, что Николая ни за что расстреляли большевики, Давид знал совершенно точно. И — никогда не упоминал этого публично, никогда не ставил в упрек советской власти, чьей благосклонности он так долго и

безуспешно добивался. Собственные безопасность и свободу творчества он ценил выше сопряжённой с риском справедливости. Безграничная любовь к искусству и желание остаться в его истории перевесили всё.

Для того чтобы реализовать «инстинкт эстетического самосохранения», нужны были три составляющие. Нужно было жить долго, работать много и, конечно, громко заявлять о себе. Всё это у Давида Бурлюка было. Кроме того, ему был присущ ряд удивительных привычек, «пунктиков», которые он постоянно подчёркивал. Например, он постоянно подсчитывал, сколько лет он прожил, сколько дней, сколько минут, сколько ударов совершило его сердце. Основным ориентиром в этом был для него Лев Толстой. А ещё — соревновался с наиболее плодовитыми художниками в количестве написанных картин, чаще всего упоминая в этой связи англичанина Уильяма Тёрнера. Сам Бурлюк утверждал, что написал за свою жизнь около двадцати тысяч работ. Вот фрагмент одного из его многочисленных писем в Тамбов, коллекционеру Николаю Никифорову, которого Бурлюк называл своим «духовным сыном»:

«Осталось двадцать дней жить, и я уже переживу Гёте и Виктора Гюго — 83. Льва Николаевича Толстого пережил в прошлом году. Дега — 84. Репин и Клод Моне — 86. Но эта цель уже даже плохо зримая, и нет особой веры, что хватит сил дотянуть до тех лет. В литературе русской только ваш, тамбовец, помещик Жемчужников, но он художником не был».

А вот — ещё один фрагмент из письма Никифорову:

«Поэт Сингер говорит, что я написал за свою жизнь 17 тысяч картин. Я ведь работаю всё время. За 50 лет — 2,5 биллиона ударов сердца, за 75 лет — 3 миллиарда 750 миллионов. Мы все биллионеры».

Что же позволило выходцу из провинциальной семьи ворваться в самую гущу тогдашнего российского искусства, стать одним из лидеров авангарда? Причём не только русского, но и мирового? Ведь участие в группе «Синий всадник» позволило ему войти в историю мирового искусства, именно благодаря этому на него уже в Америке обратила внимание Кэтрин Дрейер, знаменитая художница и коллекционер, вместе с Мэн Реем и Марселем Дюшаном организовавшая легендарное художественное объединение «Анонимное общество». Какими же уникальными качествами, позволившими ему занять своё место в искусстве и в истории, обладал Давид Бурлюк?

Первое — это эрудиция и интеллект. Вот что писал об этом Василий Каменский:

«Давид Бурлюк был старшим в нашем братском бюджетланстве. Он значительно больше нас знал жизнь искусства, полнее насыщен был теоретическими познаниями и являлся нашим учителем».

А вот — знаменитые слова Владимира Маяковского:

«Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг мой и действительный учитель, Давид сделал меня поэтом, читал мне французов и немцев, всовывал книги, выдавал мне ежедневно 50 копеек, чтобы писать, не голодая».

Лиля Брик в своих воспоминаниях о Маяковском писала о Бурлюке:

«До знакомства с Бурлюком Маяковский был малообразован в искусстве».

Эрудицию Бурлюка отмечали практически все. Его американский друг, Рафаэль Сойер, признанный классик американской живописи (его работы можно увидеть во многих крупных музеях Америки), говорил о том, что Давид Бурлюк был одним из наиболее эрудированных людей, которых он встречал в своей жизни. Эрудиция и интеллект позволили ему стать рупором русского футуризма. Его выступления собирали полные залы. Он называл себя не только художником и поэтом, но и оратором, и, когда не продавались картины, зарабатывал себе на жизнь публичными выступлениями. На любую тему. Он мог рассказывать о Пушкине, мог о современной поэзии. О культуре старой или новой жизни. Емельяне Пугачёве и достижениях современной техники. Он постоянно читал стихи наизусть, принадлежа к той счастливой категории людей, которые легко запоминают стихи и держат их в памяти годами.

Второе качество Бурлюка — чутьё на всё новое вкупе с хорошим вкусом. Безусловно, на это повлияло обучение в Мюнхене и Париже. Плюс бесконечное самообразование. Как иначе человек, родившийся в Харьковской губернии, стал вдруг настолько осведомлённым в новых течениях в искусстве, что мог читать об этом лекции и пропагандировать его среди друзей и широкой публики? Мюнхен и Париж — два главных для русского искусства европейских города, два города, в которых художники зачастую находили себя. Он учился и там, и там. В Мюнхене он учился у Вилли Дитца, у Антона Ашбе, в Париже — у Кормона. Бурлюк с гордостью писал, что учился рисовать на том же мольберте, на котором перед ним рисовал Матисс. И, несмотря на

то, что в Мюнхене и Париже в общей сложности он провёл около года, он успел увидеть, ухватить новое. А затем — знакомство с коллекциями Морозова и Щукина, которые покупали работы того же Матисса, Пикассо и прочих.

Третье — умение безошибочно находить таланты, дружить с ними, знакомить друг с другом совершенно разных, но талантливых людей и объединять их. Это то, чего у Бурлюка не отнять. Он называл «квадригой» себя, Каменского, Маяковского и Хлебникова. А ведь были в его кругу ещё и такие антиподы, как Алексей Кручёных и Бенедикт Лившиц... Он смог сплотить их всех, сгладить все противоречия, и кубофутуристическая группа «Гилея», его прекрасное детище, стала одной из главных групп русского авангарда. Бурлюк обладал сумасшедшим отцовским инстинктом, о чём упоминали все. Мария Синякова подчёркивала, что этот инстинкт позволял ему не завидовать, а искренне радоваться успехам своих друзей. Более того — помогать им находить себя, совершать творческие открытия. Именно Бурлюк дал важнейший толчок Маяковскому, своему товарищу по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества. Услышав фрагмент стихотворения Маяковского, которое тот выдал за стихотворение своего друга, Бурлюк сказал: «Какой же это друг? Это вы. Вы же гениальный поэт. Вы должны теперь писать стихи». И со следующего дня представлял Маяковского всем: «Это мой друг Владимир Маяковский, гениальный поэт».

Именно Бурлюк подсказал Алексею Кручёных его знаменитый «Дыр бул щыл», сказав ему: «А давайте вы напишете стихотворение из полностью придуманных слов?»

Давид Бурлюк годами опекал и оберегал Велимира Хлебникова. Месяцами тот жил у Бурлюков и в Петербурге, и в Чернянке, и в подмосковном Михалёве; именно Бурлюк был инициатором первых публикаций стихотворений Хлебникова, именно он издал первый том «Творений» Хлебникова.

Уже в Америке Давид Бурлюк создал группу художников «Хэмптон Бейз». Там вокруг него объединились Рафаэль и Мозес Сойеры, Николай Цицковский, Джордж Констант, Мильтон Эвери, Аршил Горки, Джон Грэм, которые известны сейчас как американские классики. Многие из них специально купили дома на Лонг-Айленде, чтобы жить поближе к Бурлюку.

Четвёртое качество — невероятная удачливость. Ему в нужный момент попадались нужные люди. Очень показате-

лен в этом плане пример с Гербертом Пикоком. Кто такой Герберт Пикок? В детские годы Бурлюк учился один год в гимназии в Твери, и родители сняли для него комнату в доме, в котором жил мальчик Герберт Пикок, чей отец был английским консулом в Батуми, а мать — родственницей Бакунина (Бурлюк очень любил подчёркивать своё знакомство с известными, именитыми людьми). И вот, представьте себе, в 1898/99-м они учились с Пикоком в одной гимназии в Твери, вместе жили в одном доме, а спустя двадцать два года Бурлюк встречает его во Владивостоке. И Пикок помогает Бурлюку уехать с семьёй в Японию. Более того, вскоре они вместе поднимаются на вершину Фудзи... Такие мелкие приятные случайности, удачи сопровождали Бурлюка всю жизнь.

Пятая черта — невероятные трудолюбие и плодовитость. Когда в 1900 году его отец стал управляющим имением «Золотая Балка» Святополк-Мирского в Херсонской губернии, недалеко от Одессы, Давиду Бурлюку было семнадцать лет. Всё лето он работал от рассвета до заката, написал 300 этюдов и привёз их в Одесское художественное училище. Преподаватели отругали его и сказали, что это не творчество, а какое-то фабричное производство. И вот этим «фабричным производством» Бурлюк занимался всю жизнь. Эта сумасшедшая плодовитость и была одним из способов бросить своё семя, реализовать тот инстинкт эстетического самосохранения, который двигал им всю жизнь. Он работал по шесть, восемь, десять часов в день. Именно трудолюбие помогло Бурлюку в Америке, где он вынужден был в сорок лет начать всё сначала и почти двадцать лет бороться за признание. Лишь к шестидесяти годам к нему вновь пришёл успех.

Всё было не напрасно. Жизненный путь Давида Бурлюка завершился официальным признанием его заслуг. 24 мая 1967 года — увы, уже после смерти, — ему было присвоено почётное звание члена Американской академии искусств и литературы. Работы Давида Бурлюка находятся в коллекциях крупнейших российских, украинских, европейских и американских музеев, среди которых Государственная Третьяковская галерея и Государственный Русский музей, Национальный художественный музей Украины, Музей Гуггенхайма, Нью-Йоркский музей современного искусства, Музей Уитни и десятки других. И, конечно же, в тысячах частных собраний по всему миру. Именем Бурлюка названы улицы в украинских городах,

мемориальные доски ему установлены в Казани и Одессе, и вот уже тридцать лет русским поэтам, продолжающим традиции футуризма, и исследователям, изучающим русский авангард, Академией Зауми вручается премия — Международная отметина имени «отца русского футуризма» Давида Бурлюка.

* * *

Писать о Давиде Бурлюке просто и одновременно сложно.

Просто — потому, что, спасаясь от забвения, сам он многократно описывал детали своей биографии. Стремление описывать свои достижения не стало манией, но было близко к этому. Он не только записывал сам свою родословную, описывал годы учёбы, выставки, в которых участвовал, своих многочисленных знакомых, но и настойчиво просил всё это делать свою жену, Марию Никифоровну, сестру Людмилу и сыновей (оба сына не покладая рук переводили на английский письма, статьи и стихотворения Бурлюка, а рукопись Никифора стала основой первой части книги Кэтрин Дрейер, первой большой биографии Бурлюка). 37 лет, с 1930-го по 1967-й, Бурлюки выпускали в Америке журнал «Color and Rhyme» («Цвет и рифма»), который стал бесконечной одой самим себе. Журнал не был предназначен для продажи — они дарили его друзьям, коллегам, коллекционерам, рассылали в десятки музеев и библиотек по всему миру.

Изучая архивные документы, рукописи, письма Давида Давидовича, порой создаётся впечатление, что он делал автобиографические наброски чуть ли не каждую свободную минуту. В этом есть, безусловно, множество плюсов и один большой минус. Заключается он в том, что во многих таких описаниях Бурлюком, сознательно или несознательно, совершены ошибки. В отделении правды от вымысла и состоит главная трудность биографа. Нет, безусловно, легко определить преувеличения, когда, например, он называет сам себя профессором и пишет о том, что знал в совершенстве древние языки (греческий и латынь) и французский с немецким (аттестат из Одесского художественного училища говорит об обратном). Это преувеличения очевидные. Немного сложнее, но тоже вполне возможно разобраться с датами, которые «отец российского футуризма» часто путал. А вот что действительно сложно, так это определить

правдивость фактов, изложенных в письмах, которые касаются, например, его отношений с друзьями и знакомыми. Красноречивый пример этому — краткая история отношений Бурлюка и Есенина, или, например, его отношения с Николаем Рерихом. Он мог бросать Толстого с «парохода современности», а после писать о нём восторженную поэму. Но этим Бурлюк и интересен. Он ярок, шумен, противоречив.

Писать воспоминания он начал в Америке. Оторванность от родины, от друзей, необходимость начинать всё сначала, вновь доказывать своё превосходство, свою исключительность, свой талант не могли не ранить его. Он ведь был не только художником. И не только поэтом. Он был трибуном, лидером, оратором. Организатором и менеджером, в конце концов. И вот вся его аудитория осталась за океаном. Пусть эта аудитория не всегда принимала его благосклонно, не всегда понимала, часто откровенно смеялась, но не замечать масштаба личности Бурлюка и его несомненные дарования она не могла. Его имя стало нарицательным, оно олицетворяло новое — часто скандальное — в искусстве того времени. Его знали, кажется, все.

И вдруг всё изменилось. В Америке, в которую он так хотел попасть, он был на первых порах обычным художником, одним из многочисленных искателей счастья в стране, куда все приезжают именно за этим. Бурлюк хотел рассказать американской публике о себе и одновременно добиться того, чтобы его не забыли на родине. Поэтому многочисленные биографии, сборники, журналы «*Color and Rhyme*» — это тот самый «нерукотворный памятник», та бесконечная сага о самом себе, которая и была призвана решить обе эти задачи. И даже больше — доказать самому себе и своим близким, что он чего-то стоил.

Читая письма и записи Бурлюка, испытываешь огромное удовольствие от погружения в среду, в которой он существовал. Дружелюбный и общительный, Бурлюк знал, казалось бы, всех и вся. Благодаря его воспоминаниям не только воссоздаёшь для себя эпоху, но узнаёшь много нового обо всем известных людях. Маяковский, Каменский, Ларионов, Хлебников, Кручёных, Репин, Серов, Горький, Есенин, Евреинов, Сологуб, Рерих, Судейкин, Филонов, Ильф с Петровым... Обо всех он написал, и в его записях друзья, знакомые и коллеги часто открываются с новой, неизвестной, неожиданной стороны.

* * *

Свою так и оставшуюся неопубликованной книгу об отце младший сын Бурлюка Никифор назвал «Первый хиппи». Это очень точное название. Футуристы, даже дожившие до преклонных лет, так и остались вечными юношами, прекрасными, вдохновенными энтузиастами. Интеллектуал Бурлюк, серьёзный «папа» Бурлюк до последних дней оставался живым и даже забавным. Возможно, футуризм — это некая прививка вечной молодости. Безусловно, далеко не все элементы философии хиппи применимы к Бурлюку, но внутреннее стремление к свободе, аполитичность и даже лозунг «Make love, not war» — вполне. По крайней мере вторая его часть. Давид Бурлюк был убеждённым пацифистом, а после сорока лет стал даже вегетарианцем.

Давид Бурлюк прожил долгую и счастливую жизнь. А началось всё в глухой провинции, на хуторе Семиротовщина, в Харьковской губернии жарким летом 1882 года.

РОССИЯ

Глава первая

ИСТОКИ

Родовое гнездо

Давид Давидович Бурлюк родился 9 июля (21-го по новому стилю) 1882 года на хуторе Семиротовщина вблизи села Рябушки Лебединского уезда Харьковской губернии. Хутор, состоявший из трёх домов, находился в семи верстах от Рябушек, расположенных неподалёку от города Лебедина, являющегося сегодня районным центром украинской Сумской области.

Дедушка художника, Фёдор Васильевич, выделил сыну и невестке после их свадьбы небольшой участок; там и родился первенец. К сожалению, дом, в котором родился будущий «отец российского футуризма», не сохранился — Семиротовщину ещё в 1970-х оставили последние жители во время ликвидации так называемых «неперспективных хуторов». В Рябушках ещё живут старожилы, которые помнят, где именно на хуторе стоял дом Бурлюков — там сейчас небольшая роща.

«Здесь никогда не могло образоваться крупное поселение — местность очень неудобная. Степь, покрытая перелесками — в этой части своей изрезана глубоченными оврагами. Вода имеется только на дне оных, а таскать её, если жильё высоко, сами знаете неудобно. Чернозёмистая почва — урожайная; хотя и косогориста, да прадедами уже взрыхлена была. Старинные дубы, видевшие Петра, — кое-где дотянули свои ветви до наших дней. Нередко бывало, что мало-россиянин земледел, потомок вольной Сечи Запорожской, прожывая вареник, находил железом меча своего “перекорванного на рало” старинное шведское ядро.

Само имя “Семиротовщина” — оваяно синеватой дымкой баталий Карловых. Семь шведских рот были окружены в ловушке глубоких оврагов и, разметав свои чугуны и силы, сложили когда-то здесь скандинавские кости», — писал Да-

вид Бурлюк в своём «Автобиографическом конспекте Отца Российского Футуризма “Лестница лет моих”», опубликованном им же самим в сборнике «Давид Бурлюк пожимает руку Вульворт Бильдингу» уже в Америке, в 1924 году.

Когда Бурлюк писал о «малороссиянинах земледелах», потомках вольной Сечи Запорожской, он писал о своих предках, для которых Рябушки стали «родовым гнездом». Семь ветвей могучего генеалогического древа Бурлюков жили в Рябушках, живут Бурлюки там и сейчас.

«На месте, где ныне стоит слобода Рябушки и самая церковь, так рассказывают старожилы, жил когда-то хутором один только крестьянин по фамилии Рябушка и на всём пространстве... рос огромный дубовый и берёзовый лес, а внизу по течению реки Ольшаной был луг. Остатки всего этого видны ещё и поныне» — это фрагмент из «Историко-статистического описания Харьковской епархии», изданного в Москве в 1857 году. Метрические книги по слободе Рябушки начали вести с 1772 года; к концу XIX века в Рябушках было 228 крестьянских дворов, по состоянию на 1912 год жило 2964 человека. Бурлюки, Ревы, Домашенки, Древали, Дремлюги, Желизные, Калюжные, Зубки — большие семейные кланы, жившие в Рябушках. Кроме Семировщины, недалеко от Рябушек были и другие хутора: Грушевый, Костев, Ляшков, Пушкарёв, Курилов.

Рябушкинские селяне жили очень похоже — около пяти десятин земли, небольшая хата-мазанка, конь или корова, необходимый инструмент; выращивали пшеницу, рожь, мололи их на мельницах, принадлежавших самым зажиточным; занимались садоводством, пчеловодством, различными ремёслами. Четыре раза в году в Рябушках проходили ярмарки.

Память о почти идиллической обстановке украинского села — по крайней мере именно такой она представлялась ребёнку — сохранилась у Бурлюка на всю жизнь. Он писал в «Лестнице лет моих»:

«Первые впечатления жизни, оставшиеся в памяти, — всегда маленькое, детское. Конечно, — мать, отец, обстановка деревенского дома, лужа в воротах (угроза чистеньким костюмчикам — материнской гордости); собака, могущая вспрыгнуть на крышу скотного двора; благоуханный сад с речушкой — (что твоя Амазонка!); сумасшедший во дворе соседа. И отец, охотящийся на волков.

Первые картины природы, такие лучезарные, столь прекрасные, когда глаза смотрели, обоняние было дев-

ственным, а каждая пора трепетала, впивая благословенный воздух Украины.

От 1885 года — я помню. Был у меня и друг тех детских лет. Имя ему было “Прошка”. Спутник моих первых блужданий по садам, где “барвинок” ранил впервые сердце юного художника».

А вот — описание усадьбы Анания Васильевича Бурлюка, родного брата деда Давида Давидовича, Фёдора Васильевича:

«Мне приходилось в юности бывать в этой усадьбе, когда уже всё стало там в упадок приходить. Но и то можно было ещё вообразить обеспеченность и зажиточность, с какой жили вольные казаки Украины в прежние времена, имея в балках усадьбы любовно обстроенные пасеки, полные роями несущих мёд пчёл, а на прозрачных ручьях и речонках мельницы, что под сенью верб серо-зелёных с пенным шумом вращали своими чёрными, как раки, колёсами, чтобы далеко в степь разнести сладкий, тёплый запах муки, смолотой уже из нового, оправдавшего надежды урожая. Крепостное право... на Украине менее корни пустило и не так бросалось в глаза, не так обездолило народ. Много жило на Украине потомков недавних запорожцев вольных, чьи роды избегли отвратной участи крепостной зависимости».

Гнездо Бурлюков было в Рябушках. «Все селение Рябушки, где жил и живёт род Бурлюков, состоит из многочисленных отпрысков одной и той же фамилии», — писал Давид Бурлюк, несколько преувеличивая, как это часто бывало.

«Весь род, Бурлюковский, сидит на земле — лишь потомки прадеда Василия Бурлюка, разбогатевшего на пасечном деле (причём сие богатство дед Фёдор Васильевич зело увеличил, скупая леса разорявшихся в 70-х годах прошлого века окружающих помещиков), рассеялись по свету».

А это правда.

Укоренённость рода Бурлюков в земле, красота и изобилие украинской природы окажут влияние на всё дальнейшее творчество Давида Давидовича. Удивительно, но выходец из провинции сумел стать одним из лидеров нового искусства, с мнением которого считались многие. Примечательный эпизод описывает Бенедикт Лившиц в первой же части первой главы своего прекрасного «Полутораглазого стрелца» — когда художница Александра Экстер впервые привела к нему домой Бурлюка:

«Он сидел, не снимая пальто, похожий на грудю толстого ворсистого драпа, наваленного приказчиком на прилавок. Держа у переносицы старинный, с круглыми стеклами, лорнет — маршала Даву, как он с лёгкой усмешкой пояснил мне, — Бурлюк обвёл взором стены и остановился на картине Экстер. Это была незаконченная темпера, *intérieur*, писанный в ранней импрессионистской манере, от которой художница давно уже отошла. По лёгкому румянцу смущения и беглой тени недовольства, промелькнувшим на её лице, я мог убедиться, в какой мере Экстер, ежегодно живавшая в Париже месяцами, насквозь “француженка” в своём искусстве, считается с мнением этого провинциального вахлака».

В Бурлюке было много удивительного.

Интересная деталь — с датой рождения Давида Давидовича в пересчёте на новый стиль есть определённая путаница. Собственно, путаница в датах — дело для Бурлюка обычное, в своих многочисленных воспоминаниях и письмах он часто ошибался, и чем позже были сделаны записи, тем больше в них ошибок. И вот, уже в Америке, Давид Бурлюк стал упоминать дату своего рождения как 22 июля — по новому стилю, в то же время как дата рождения по старому стилю, 9 июля, оставалась в его записках неизменной. 22 июля фигурирует во всех поздних каталогах его выставок, эта же дата указана в первой фундаментальной биографии Давида Давидовича, написанной американской художницей, галеристом, коллекционером Кэтрин Дрейер. Биография была опубликована в США в 1944 году, и первая часть, в которой описан российский период жизни Бурлюка, написана в соавторстве с младшим сыном Давида Давидовича, Никифором (Николаем). Нет никаких сомнений в том, что Никиша, как всегда называли его родители, просто перевёл на английский то, что написал и продиктовал ему отец.

В своём последнем, так и не отправленном письме американскому художнику Эдварду Хопперу Бурлюк писал:

«Дорогой мистер Хоппер — брат (сиамский) по году и дню рождения — 22 июля 1882 года...» Хоппер действительно родился 22 июля 1882 года. Разница лишь в том, что в США к моменту его рождения давно уже действовал григорианский календарь, и дату рождения не нужно было пересчитывать. Вероятнее всего, Давида Давидовича подвёл в вычислениях маленький, но важный нюанс — в XIX веке разница между юлианским и григорианским календарём

составляла 12 дней, а в XX веке — уже 13 дней. Так что и сестра Людмила, написавшая по просьбе Бурлюка воспоминания о их общем детстве, в которых была такая фраза: «...в 1882 году, 22 июля, в 5 часов вечера родился первенец, будущий Отец Российского Футуризма, наименованный в честь родителя Давидом», — тоже ошиблась в дате.

В биографии Бурлюка нас ждёт ещё много сюрпризов.

Родословная

Свой род Давид Бурлюк вёл... от хана Батыя. Ни много и ни мало.

В 1957 году, приехав в Прагу и встретившись после долгого, почти сорокалетнего расставания с сёстрами Людмилой и Марианной, он попросил Людмилу, старшую из сестёр, написать о предках рода Бурлюков.

Давид Бурлюк и сам неоднократно записывал свою биографию уже после переезда в Америку — в многочисленных тетрадках, на бланках пароходных компаний во время трансатлантических путешествий, в записках сёстрам. Он словно опасался, что всё это никому не нужно и будет забыто. «Инстинкт эстетического самосохранения» двигал им, он должен был непременно остаться в памяти потомков. Но о хане Батые написала именно Людмила. Воспоминания её под названием «Фрагменты семейной хроники» опубликованы в 48-м номере журнала «Colog and Rhyme»:

«Предки отца были выходцы из Крыма, потомки хана Батыя. Бурлюки отличались большим ростом, возили соль из далёкого Крыма и занимались торговлей скота, оберегая его от разбойных людей, для чего требовались зоркий глаз и неутомимые ноги. Бесконечная степь, ковыль...

В 17 веке один из Бурлюков со своими подручными, Писарчуком и Рябушкой, покинул селение “Бурлюк” (Цветущий сад) на реке Альме в Крыму.

Переселенцы обосновались в длинной и уютной балке с заливными левадами (луг) в Лебединском уезде и деревня стала называться “Рябушки” — по имени старшего переселенца.

В Крыму на упомянутой реке Альме в настоящее время советской властью основан колхоз, носящий наименование “Бурлюк”.

При Екатерине 2-ой этим пришельцам, вольным людям, предложили службу в царской армии, за что в обмен

было обещано дворянство. Казаки отклонили сделку и остались вольными без дворянства».

Удивительные строки! Создаётся впечатление, что Давид Давидович попросил сестру отнести их род к кому-то из великих — ну не мог «отец российского футуризма» происходить из простого рода!

«Прадед Василий доживал свой век», — писала далее Людмила Бурлюк, описывая семью отца. «На уцелевшей фотографии он — глубокий старик, свыше 90 лет, — сидит у круглого стола, покрытого ковром. Кисть его руки с длинными пальцами свисает со стола, столбообразная облысевшая голова, около ушей космы седых волос, нос приплюснутый, борода и усы редкие...

Во всём облике — его происхождение от хана Батыя».

Забавно, не правда ли? И тем не менее многие исследователи утверждают, что правнука Батыя, одного из многочисленных сыновей его внука, хана Менгу-Тимура, от одной из его старших жён, Кутуй-хатун, звали именно Бурлюк.

Да и село Бурлюк в Крыму действительно было. Хотя почему было — есть, только теперь оно называется Вилино. Деревню Бурлюк неоднократно упоминает в своей книге «Крымская война» Евгений Тарле. Именно на реке Альме возле деревни Бурлюк встретились 8 сентября 1854 года русская и союзническая англо-французская армии, почти сто тысяч человек. Это была первая крупная битва Крымской войны. А впервые деревня Бурлюк упоминается в документах Крымского ханства в далёком 1621 году. После образования 8 февраля 1784 года Таврической области Бурлюк включили в состав Симферопольского уезда.

Согласно «Ведомости о всяких селениях», в Симферопольском уезде в 1784 году в Бурлюке числилось 36 дворов, в которых проживали 207 крымских татар и 7 цыган, а земли принадлежали лейтенанту Черноморского флота Мавромихали. Максимальное число жителей — свыше 750 — было в селе перед Великой Отечественной войной, но вскоре после освобождения крымские татары были депортированы в Среднюю Азию, а само село в 1948 году переименовано. В начале 1960-х годов к Вилино были присоединены находившееся с восточной стороны село Красноармейское (бывший Алма-Тархан), небольшое переселенческое село Новофёдоровка и расположенный на западной окраине посёлок Магарач, что сделало Вилино крупнейшим селом района.

В 10 километрах к востоку от Вилино находится село Каштаны, которое ещё в 40-е годы прошлого века носило название Новый Бурлюк. В 1932 году тут был организован совхоз-завод «Бурлюк», специализировавшийся на производстве винограда, выработке виноматериалов для производства шампанского, коньяков, столовых вин — и собственно производстве вина. Винодельческое предприятие «Бурлюк» вполне успешно работает там и сегодня.

Скажу больше — в Крыму есть гора Бурлюк (высотой 913 метров) и река Бурлюк — правый приток реки Кучук-Карасу. Кстати, река Бурлюк есть и в Оренбургской области — это приток Салмыша в бассейне реки Урал, неподалёку от построенной в XIII веке Батыем столицы Золотой Орды — города Сарай-Бату.

Интересно, что в одной из восторженных статей, посвящённых состоявшейся в 1924 году первой персональной выставке Давида Давидовича в Нью-Йорке, опубликованной в журнале «Мир Нью-Йорка», говорилось: «Бурлюк, который основал футуристическое движение в России, продемонстрировал язык скорости, являя собой образ татарского хана в экстравагантном жилете и одной серьгой в ухе».

По семейной легенде, один из прапрадедов художника попал в плен к казакам и стал у них писарем.

«В усадьбе у прадеда Василия был большой дом, где на стенах висели портреты предков, писанные масляными красками», — пишет Людмила Бурлюк. «Предки Бурлюков служили писарями в Запорожском войске в Сечи до её разгона Потёмкиным при Екатерине 2-ой. Все знавшие Давида Фёдоровича Бурлюка всегда были убеждены, что Репин изобразил отца будущего футуриста в образе могучего добродушного запорожца, полуобнажённого, сидящего на бочке спиной к зрителю на первом плане. Дом этот сгорел, и в огне погибли эти семейные исторические реликвии».

А вот это — чистейшей воды мистификация. В образе полуголого казака-картёжника Илья Ефимович Репин изобразил вовсе не Давида Фёдоровича Бурлюка, а педагога народной школы Константина Дмитриевича Белоновского, по другой версии — украинского драматурга Марка Лукича Кропивницкого. А полуобнажён он потому, что в Сечи при серьёзной игре казаки снимали рубашки, чтобы нельзя было спрятать карты за пазуху и в рукава.

Итак, из Крыма предки Бурлюков перебрались в Запорожскую Сечь, оттуда — в Рябушки. Около 1710 года родил-

ся в семье Бурлюков сын Парфентий, ставший со временем главой большого семейства. У него и его жены Катерины родились две дочери, Марина и Агриппина, и четверо сыновей — Алексей, Иосиф, Семён и младший, Василий, который появился на свет в 1768 году. В метрической книге Иоанно-Предтеченской церкви, прихожанами которой были Бурлюки, он упоминается как «регистратор», а далее как мещанин. От первого брака — жену звали Ефросинья — у него родилось трое детей, дочери Ирина и Мотрона и сын Иван; от второго, с Анастасией Степановной, — Михаил, Василий, Кирилл, Александра, Иван, две близняшки, названные (обе!) Евдокиями, Степанида и Владимир. Внушительный список.

Родившийся в 1798 году Василий Васильевич и был тем самым прадедом, похожим на хана Батюя, о котором писала Людмила Бурлюк. Он, как и водилось в роду Бурлюков, приложил немало усилий для того, чтобы семья жила в достатке. Имел ветряную мельницу, салотопильный и кирпичный заводы.

Женой Василия Васильевича стала Анна Александровна Стеблиненко. Брак был заключён 23 января 1827 года. Родилось у них 12 детей: Елизавета, Фёдор, Катерина, Марфа, Любовь, Мария, Агриппина, Данила, Ананий, Георгий, Мелетий, Иван. Дедушка нашего героя, Фёдор Васильевич, был первым сыном. «Божьим даром» — так переводится его имя с греческого. Он родился 17 февраля 1832 года.

В 1964 году по просьбе Давида Бурлюка его зять, муж его младшей сестры, Марианны, чешский художник Вацлав Фиала, нарисовал семейное древо Бурлюков. Этот выполненный с филигранной точностью рисунок украсил переднюю страницу обложки 57-го номера журнала «Color and Rhyme», выпущенного Бурлюками в США в «честь 84-летия великого художника и поэта».

Рисунок семейного древа, выполненный поверх карты Украины и России, очень символичен. Корнями своими древо опирается на украинскую землю, как раз в районе Запорожской Сечи. Родоначальником Вацлав Фиала изобразил Фёдора, «войскового генерального писаря», указав совершенно фантастические годы его жизни — с 1769-го по 1841-й. Нарисованный Фёдор похож на многократно изображённого Бурлюком казака Мамай — он сидит под деревом, в руках его кобза, он одет в традиционные жупан и шаровары, на ногах его сафьяновые сапоги. На голове — шапка, скрывающая оселедец, во рту трубка, прикрытая

длинными усами. Рядом с ним пасётся верный конь, к дереву прислонены коса и грабли, а под ним на аккуратно расстеленной скатёрке стоит штоф и лежит краюха хлеба. Неподдалёку на коне изображён хан Батый — чтобы никто не забыл семейную легенду.

Карта усеяна табличками с названиями городов и сёл, важных для Бурлюков. Это длинный список: Сумы, Лебедин, Рябушки, Полтава, Харьков, Нагорное, Козырщина, Нежин, Берестовка, Одесса, Николаев, Херсон, Каховка, Чернянка, Новая Маячка, Золотая Балка, Евпатория, Симферополь, Бурлюк, Старый Крым, Киев, Курск, Тамбов, Тверь, Москва, Санкт-Петербург.

Верхние ветви дерева — внуки и внучки самого Давида Давидовича, родившиеся уже в Америке, дети и внуки братьев и сестёр. На черновике рисунка Вацлав Фиала указал дату начала существования рода Бурлюков — 1232 год.

Скажем откровенно, описание имён и деталей жизни предков главного героя — самая скучная часть биографических романов. Читатель обычно старается поскорее её пролистать. И тем не менее в биографии Давида Бурлюка это важная часть, потому что характер «отца российского футуризма» — прямое производное от черт характера его предков. «Чтобы разобратся в самом себе, “гнотхи сеавтон”, как говорили греки, познать самого себя, надо узнать о своих предках. Ибо оттуда пришли те черты характера, с которыми приходится всю жизнь потом пытаться строить. Иногда возложенная на себя миссия так мало вяжется с наследственным... И тогда приходится пересоздавать себя», — писал он в своих «Фрагментах из воспоминаний футуриста». Целая глава «Фрагментов» посвящена предкам — так она и названа.

«О предках своих мог бы написать целую книжицу. И напишу когда-нибудь, времени больше будет. Пока пишу по-русски, а потом, может быть, и на родной украинский язык перейду. Ибо родился на Украине, ныне под бурей великой Революции ставшей свободной и неозримо прекрасной. <...> Там лежат кости моих предков. Вольных казаков, рубившихся во славу силы и свободы».

Давид Бурлюк недаром многократно пишет о «вольных казаках», — свобода и для него самого всю жизнь была одним из важнейших условий существования.

Поразительно, но Давид Бурлюк хорошо помнил и братьев своего деда, и их судьбы: «У Василия было много детей. Я помню их: Фёдора, Мелетия, Анания и, кажется,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru